

Н. Алексеев

Лжецаревич

Трон и любовь / Российский авантюрный роман.-- СПб: Петрокон, 1994.

OCR Бычков М. Н.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПУТНИКИ

Под вечер декабрьского дня 1602 года по проезжей дороге в глубине векового литовского леса ехали два всадника.

Один из них был человек сильного телосложения, широкоплечий, одетый в темный подбитый мехом кафтан и в низкую соболью шапку, прикрывавшую его лоб и уши. Из-за кушака выглядывала пара резных рукояток длинноствольных пистолетов, сбоку была прицеплена сабля в бархатных ножнах с серебряными перехватами. Длинная, широкая золотистая борода лопатой падала на грудь. Внимательный наблюдатель мог бы подметить в этой бороде местами блески седины. Седина эта, однако, не была "серебром лет", потому что лицо всадника -- красивое лицо чисто русского типа -- было молодо, хотя серьезно, почти печально.

Второй всадник, ехавший рядом с ним, был почти на целую голову ниже его. Овчинный полушубок казался несколько узким для его широких плеч, высокая баранья шапка, напоминавшая казацкую, была сдвинута немного на затылок и открывала часть рыжеватых волос над умным выпуклым лбом, на котором бросалась в глаза крупная "родимая" бородавка; такая же бородавка виднелась под правым глазом. Эти бородавки очень портили круглое белое лицо всадника; не мог сообщить ему привлекательности и широкий, несколько приплюснутый нос. Желая подбодрить коня, всадник дернул поводья обеими руками; при этом можно было заметить, что одна из его рук короче другой.

По-видимому, природа отнеслась к нему не как мать, а как мачеха и одарила его довольно неказистою внешностью.

А между тем, в этом некрасивом, почти безобразном человеке было что-то, что должно было выделять его из ряда других. Это "что-то" сказывалось во всем: и в его ухарской посадке на коне -- сухом, жилистом "степняке" -- и в несколько горделиво закинутой голове, и в быстрой смене выражений лица, и в глазах -- некрасивых светло-голубых глазах -- тусклых, словно выцветших, но умных, живых и глубоких, в которых трудно было прочесть, что таят они, как трудно узнать, что скрывает глубь Северного моря, цвет которого они напоминали.

Насколько хуже был одет второй путник, чем первый, настолько же хуже был и вооружен: у него не было с собой "пистолей", как тогда называли пистолеты, вместо них из голенища сапога выглядывал черенок ножа. Сабля была и у него, но лежала она в простых деревянных вычерненных ножнах, лишенных всяких украшений.

Внешним видом спутники настолько рознились друг от друга, что первого из них можно было принять за господина, второго -- за его слугу.

На деле, однако, было не так. Они оба были вольными людьми и зависели один от другого столько же, сколько папа римский от турецкого султана. Их соединили общность происхождения -- они оба были русские -- и дорога: путь их лежал в одну сторону. Познакомились они между собой всего несколько дней назад на ночлеге в корчме и знали друг про друга очень немного.

Всадник в казацкой шапке знал лишь, что его спутника зовут Павлом Степановичем, что прозвище его -- Белый-Туренин, что он -- боярин, родом из Москвы.

Бородатый же всадник знал про своего путевого товарища еще меньше -- только лишь, что его зовут Григорием. Одно они оба хорошо знали -- то, что, как одному, так и другому, нужно было удалиться в глубь Литвы, подальше от русского рубежа. По каким причинам нужно это было каждому из них -- они не старались допытываться.